

УДК 271.22(470 + 571)-9 + 271.21(560)-9

ВИЗИТ ПАТРИАРХА МОСКОВСКОГО И ВСЕЯ РУСИ АЛЕКСИЯ I В ФАНАР В 1960 г.: ПОЗИЦИЯ КОНСТАНТИНОПОЛЬСКОГО ПАТРИАРХАТА

Н. О. ПАШКОВ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Аннотация. Реконструировано восприятие первого в истории визита Патриарха Московского и всея Руси Алексия I (Симанского) в Фанар (23–26 декабря 1960 г.) Константинопольским патриархатом и турецкой общественностью. На основе сопоставления русско-, англо- и турецкоязычных публикаций, а также архивных материалов показано, какие ожидания и опасения были у Константинопольского патриархата в отношении Московского патриархата в конце 1950-х – начале 1960-х гг., какие темы поднимались на встрече Алексия I с Афинагором I (русская диаспора в США, канонические юрисдикции, диалог с инославными, монашество на г. Афон) и как в турецком медиадискурсе, формируемом в тени кипрского кризиса и внутривосточных перемен 1960 г., трактовался этот церковный контакт. Выявлена разница в интерпретациях данной встречи сторонами: для СССР визит стал успехом церковной дипломатии, для Константинопольского патриархата – осторожной попыткой вывести межправославный диалог из режима взаимных подозрений, не поступаясь своей координационной ролью.

Ключевые слова: Алексий I; Афинагор I; Константинопольский патриархат; Фанар; турецкая пресса; кипрский кризис; Афон; диаспора; церковная дипломатия.

ВІЗИТ ПАТРІАРХА МАСКОЎСКАГА І ЎСЯЕ РУСІ АЛЯКСІЯ I У ФАНАР У 1960 г.: ПАЗІЦЫЯ КАНСТАНЦІОПАЛЬСКАГА ПАТРІАРХАТУ

Н. А. ПАШКОЎ^{1*}

^{1*}Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь

Анацыя. Рэканструювана ўспрымання першага ў гісторыі візіту Патрыярха Маскоўскага і ўсяе Русі Аляксія I (Сіманскага) у Фанар (23–26 снежня 1960 г.) Канстанцінопальскім патрыярхатам і турэцкай грамадскасцю. На аснове супастаўлення руска-, англа- і турэцкамоўных публікацый, а таксама архіўных матэрыялаў паказана, якія чаканні і асцярогі меў Канстанцінопальскі патрыярхат у дачыненні да Маскоўскага патрыярхату ў канцы 1950-х – пачатку 1960-х гг., якія тэмы паднімаліся на сустрэчы Аляксія I з Афінагорам I (руская дыяспара ў ЗША, кананічныя юрысдыкцыі, дыялог з інашаслаўнымі, манаства на г. Афон) і як у турэцкім медыядыскурсе, які фарміраваўся ў цені кіпрскага крызісу і ўнутрыпалітычных змен 1960 г., тлумачыўся гэты царкоўны кантакт. Выяўлена розніца ў інтэрпрэтацыях гэтай сустрэчы бакамі: для СССР візіт стаў поспехам царкоўнай дыпламатыі, для Канстанцінопальскага патрыярхату – асцярожнай спробай вывесці міжправаслаўны дыялог з рэжыму ўзаемных падазрэнняў, не аддаючы сваёй каардынацыйнай ролі.

Ключавыя словы: Аляксій I; Афінагор I; Канстанцінопальскі патрыярхат; Фанар; турэцкая прэса; кіпрскі крызіс; Афон; дыяспара; царкоўная дыпламатыя.

Образец цитирования:

Пашков НО. Визит Патриарха Московского и всея Руси Алексия I в Фанар в 1960 г.: позиция Константинопольского патриархата. Журнал Белорусского государственного университета. История. 2026;2:42–50.
EDN: JTNZNT

For citation:

Pashkov NO. The visit of Patriarch Alexei I of Moscow and All Rus' to the Phanar in 1960: the position of the Patriarchate of Constantinople. Journal of the Belarusian State University. History. 2026;2:42–50. Russian.
EDN: JTNZNT

Автор:

Никодим Олегович Пашков – кандидат исторических наук, доцент; доцент кафедры международных отношений факультета международных отношений.

Author:

Nikodim O. Pashkov, PhD (history), docent; associate professor at the department of international relations, faculty of international relations.
nikodimkrysko@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-4311-7917>

THE VISIT OF PATRIARCH ALEXEI I OF MOSCOW AND ALL RUS' TO THE PHANAR IN 1960: THE POSITION OF THE PATRIARCHATE OF CONSTANTINOPLE

N. O. PASHKOV^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

Abstract. This article reconstructs how the Ecumenical Patriarchate of Constantinople and the Turkish public perceived the first-ever visit of Patriarch Alexy I (Simansky) of Moscow and All Rus' to the Phanar (23–26 December 1960). Based on a comparison of Russian-, English-, and Turkish-language publications, as well as archival materials, it shows the expectations and concerns of the Patriarchate of Constantinople regarding the Moscow Patriarchate in the late 1950s and early 1960s, the topics raised during meeting of Alexy I with Athenagoras I (the Russian diaspora in the United States, canonical jurisdictions, dialogue with non-Orthodox, monasticism on Mount Athos), and how this ecclesiastical contact was interpreted in the Turkish media discourse, formed in the shadow of the Cyprus crisis and the domestic political changes of 1960. A difference in the parties' interpretations of this meeting was revealed: for the USSR, the visit was a success of church diplomacy, while for the Patriarchate of Constantinople, it was a cautious attempt to remove inter-Orthodox dialogue from a state of mutual suspicion, without compromising its coordinating role.

Keywords: Alexy I; Athenagoras I; Patriarchate of Constantinople; Phanar; Turkish press; Cyprus crisis; Athos; diaspora; church diplomacy.

Введение

В декабре 1960 г. состоялся первый в истории визит Патриарха Московского и всея Руси Алексия I (Симанского) в Фанар¹. Там он встретился с Вселенским Константинопольским Патриархом Афинагором I (Спиру) [1]. Этот визит вполне можно рассматривать как добрую традицию в православном мире, возникшую после Второй мировой войны, согласно которой новоизбранный православный патриарх поочередно совершает визиты во все поместные православные церкви. Тем не менее рождественская поездка патриарха Алексия I в Фанар стала первым в истории визитом такого уровня. Встреча с Афинагором I, организованная вскоре после турецкого военного переворота 1960 г. на фоне обострившегося кипрского вопроса, имела церковный резонанс и приобрела политико-символический вес [1]. Спустя несколько десятилетий после этого визита можно утверждать, что в декабре 1960 г. в Фанаре встретились не только два предстоятеля, но и две институции: Константинопольский патриархат, последовательно утверждавший первенство в служении в роли координатора общецерковного процесса,

и Московский патриархат, стремившийся закрепить свою равноцентричную субъектность в межправославной и экуменической дипломатии. В связи с этим каждая протокольная деталь визита (от формы братских приветствий до предельно сдержанной публичной коммуникации) обретала смысл проверки на предмет процедурной лояльности и готовности к координации по «чувствительным» досье (монашество на г. Афон, русская диаспора в США, европейские приходы русской традиции) [2, с. 3–4]. Одновременно визит был частью курса на активизацию московской церковной дипломатии конца 1950-х – начала 1960-х гг.: выход Русской православной церкви (РПЦ) на Ближний Восток, участие в межправославных совещаниях на о. Родос, попытки «перезапуска» присутствия на г. Афон и установления контактов диаспорой в США². Это событие привлекло внимание представителей РПЦ, СССР, Константинопольского патриархата и Турецкой Республики, поскольку оно происходило на фоне послевоенных разногласий и недавнего пика холодной войны.

Краткая историография вопроса

Неоднократно становилась предметом исследований проблематика отношений Московского и Константинопольского патриархатов в 1950–70-х гг., но обычно эти изыскания проводились с уклоном в советско-российскую тематику. В частности, рассмат-

ривались история религиозной дипломатии РПЦ при Н. С. Хрущёве, проблема участия во Всеправославных совещаниях на о. Родос, «американский кейс» (автокефалия православной церкви в США) и конфликты между диаспорами [2, с. 2–4].

¹Исторический район Стамбула, греческий квартал. С 1601 г. до настоящего времени Фанар – место, где находится резиденция Вселенского Константинопольского Патриарха. С начала XX в. понятие «Фанар» в общепринятом употреблении ассоциируется с понятием «Константинопольский патриархат» (аналогично тому, как понятие «Святой престол» соотносится с понятием «Ватикан»).

²Председатель ОБЦС: политизация Всемирного совета церквей – угроза его будущему // Отдел внешних церковных связей Московского патриархата : сайт. URL: <https://mospat.ru/ru/news/93375/> (дата обращения: 11.12.2025).

В русскоязычных работах визит описывается относительно согласованно: 23–26 декабря 1960 г. Алексей I посетил Стамбул, 25 декабря состоялась его встреча с Афинагором I – первый такого рода контакт в новейшее время; обсуждались русская диаспора в США, монашество на г. Афон и вопросы межправославной координации [1; 3–7].

Турецкая историография рассматривает Константинопольский патриархат преимущественно через призму государственной политики и кипрского кризиса: в 1960-х гг. Константинопольский патриархат действовал под давлением общественных настроений и ожиданий власти, балансируя между интернациональным авторитетом и внутренней «чувствительностью» [8]. Эти исследования, в частности исследования членов Турецкого исторического общества, редко фокусируются на самом визите Алексея I, зато хорошо проясняют контекст, в котором Константинопольский патриархат осуществлял любое межцерковное сближение.

В турецкой научной литературе 1990–2020-х гг. конструируется более широкая рамка, в пределах которой Константинопольский патриархат выступает в качестве «мягкой силы» на стыке религии и внешней политики, а его отношения с Московским патриархатом описываются как борьба за влияние в православном мире [9, s. 125–132].

Ученые отмечают, что визит патриарха Алексея I в Константинополь с 23 по 26 декабря 1960 г. стал знакомством Патриарха Московского и всея Руси с резиденцией в Фанаре [1, с. 134]. Это событие открыло новую страницу в отношениях между русской и константинопольской православными церквями. Современные исследователи, в частности А. Роккуччи, связывают эту встречу с общей линией на сближение Московского и Вселенского престолов, несмотря на старые споры и сдерживающий фон холодной войны [1, с. 134]. В российских церковных публикациях визит характеризуется как очередной этап укрепления братских связей: в материалах Отдела внешних церковных сношений Московского патриархата РПЦ (далее – ОВЦС) подчеркивается, что обмен делегациями и личные контакты, установленные в Константинополе, послужили укреплению связей между Московским и Константинопольским патриархатами [3; 4].

В работах, посвященных религиозной дипломатии РПЦ того периода, прослеживается линия официальной советской церковной политики [5]. Следует отметить, что особенно мало внимания уделялось оценкам визита Алексея I со стороны турецкого общества и самого Константинопольского патриархата.

Актуальные подходы к изучению истории международных отношений и дипломатии, в том числе че-

рез призму деятельности ключевых факторов и на основе анализа дипломатической переписки, находят отражение на страницах издания «Журнал Белорусского государственного университета. История» [10]. Автор настоящего исследования продолжает эту традицию, фокусируясь на церковно-дипломатическом взаимодействии в контексте холодной войны.

В данной статье впервые в отечественной историографии рассматривается официальная позиция Константинопольского патриархата в отношении визита главы РПЦ в Фанар. В турецких исторических исследованиях, в частности в монографии Х. Оксюза, подчеркивается, что 1960-е гг. прошли на фоне кипрского конфликта и волнений в турецком обществе, что существенно повлияло на отношение правительства и СМИ к Московскому и Константинопольскому патриархатам [9, s. 125–132]. Однако конкретные сведения из турецкой печати о визите Алексея I практически не публиковались ранее. В данной статье турецкие газеты «Миллиет», «Джумхуриет» и «Аksam» использованы в качестве одного из источников.

Для самого визита 1960 г. ключевыми в отечественной историографии остаются три момента: 1) символ первой встречи и попытки снять наследие взаимных обвинений времен войны; 2) проверка готовности РПЦ признать координационную роль Константинопольского патриархата в межправославном процессе; 3) влияние внешнеполитического фона (кипрский кризис, переворот 1960 г., западные контакты Афинагора I).

Целью настоящей статьи выступает исследование хода, результатов и значения первого в истории визита главы РПЦ в Константинополь, определение позиции Константинопольского патриархата в диалоге церквей и реакции турецкого общества на этот визит. В данной работе используются материалы 1960-х гг., ранее не вводившиеся в публичный оборот. К их числу необходимо отнести прежде всего никогда не публиковавшееся письмо Вселенского Константинопольского Патриарха Афинагора I к архиепископу Кипрскому Макариосу III, в котором дается подробный анализ хода визита. Оно было обнаружено автором статьи в архиве Кипрской архиепископии. Отметим важный факт: письмо не отправлено обычной почтой, а передано послом Греции в Республике Кипр. В преамбуле письма указывалась его цель: «...для обеспечения будущих визитов, а также контактов с Московским патриархатом»³ (здесь и далее перевод наш. – Н. П.). Содержание письма также позволяет предположить, что патриарх Афинагор I, выполняя роль негласного координатора православного мира, давал инструкции, каким образом нужно выстраивать отношения с Московским патриархатом в будущем.

³Письмо Патриарха Константинопольского к архиепископу Кипрскому Макариосу III // Арх. Кипр. архиепископии (АКА). Т. 1 (Переписка с поместными православными церквями. Константинопольский патриархат). Л. 1 (на греч.).

Результаты и их обсуждение

Встреча Вселенского Константинопольского Патриарха и предстоятеля РПЦ во многом была уникальна. Во-первых, она проходила на территории бывшего Второго Рима – Константинополя, места, где Русь была принята в христианскую семью. Во-вторых, за всю историю межцерковных отношений это была первая встреча двух равноправных патриархов, московского и константинопольского, если не брать во внимание визит Патриарха Царьградского Иереи II в Московское царство в 1588 г. для учреждения патриаршества на русских землях. В-третьих, после получения РПЦ автокефалии встреча глав двух церквей заведомо не могла состояться. Прежде всего это обстоятельство было обусловлено геополитическими факторами, а также тем, что на протяжении более 300 лет управлением русским православием занимался Святейший правительствующий синод. После восстановления патриаршества в 1917 г. встреча теоретически могла бы состояться, но окончание Первой мировой войны создало на карте мира новые геополитические реалии. Вторая мировая война, богоборчество в СССР в межвоенный период, отсутствие патриарха в РПЦ в период с 1925 по 1943 г. сделали встречу патриархов невозможной.

Очевидно, что встреча в 1960 г. имела важное историческое значение. Спектр затронутых на ней вопросов был продиктован геополитическими изменениями, произошедшими в начале XX в. Ключевой момент заключается в том, что в период господства Порты Вселенский Константинопольский Патриарх приобрел почти неограниченную власть над всеми православными народами Османской империи; такая этноконфессиональная модель отношений называлась миллетом⁴. Многие исторические автокефальные церкви Востока и Балкан оказались заложниками государственно-религиозной политики османских султанов. В процессе распада Османской империи из-под юрисдикции Константинопольского патриархата начали выходить поместные православные церкви (эладская, болгарская, сербская, албанская, румынская церкви). Сходные проблемы были и у РПЦ после падения Российской империи, а именно предоставление автокефалии польской, чехословацкой, грузинской церквям. Точного общепринятого механизма предоставления автокефалий не было. Можно сказать, что и в настоящее время его не существует. Вопрос автокефалий автоматически поднимал проблему православной русской диаспоры на территориях, не входящих в юрисдикцию РПЦ, прежде всего на

территории Западной Европы и Американского континента. Кроме того, после распада Османской империи возник вопрос о положении монахов и статусе Святой горы⁵. Правящим архиереем Святой горы традиционно считается Вселенский Константинопольский Патриарх, а управление ею непосредственно осуществляют Священный синод и Священное собрание.

После русско-турецкой войны 1877–1878 гг. по Берлинскому договору гарантировалось полное равноправие всех национальностей на г. Афон, что представляло негреческим монашеским общинам юридическое основание для защиты своих прав. Попытки изменить статус Святой горы были предприняты после 1913 г., когда она стала частью Греции, но согласно ст. 13 Лозаннского мирного договора Греция обязана «признавать и сохранять традиционные права и свободы, которыми пользуются негреческие монашеские общины г. Афон»⁶. Однако положение резко изменилось после принятия в 1924 г. Уставной хартии Святой горы афонской. В соответствии с этим положением «отныне жизнь и внутреннее устройство афонских обителей регулировались Священным синодом, в который входили исключительно греки»⁷. Впоследствии славянские обители потеряли даже право неприкосновенности земельных владений, а со временем в связи с политической ситуацией прекратился приток монахов из славянских стран. Вселенские патриархи на протяжении всего XX в. видели только один выход из этой ситуации: на правах всеправославного координатора созвать Всеправославное совещание. Как показывает история, попытка собрать Всеправославное совещание предстоятелей поместных православных церквей увенчалась успехом (хотя и не в полной мере) лишь в 2016 г. Стоит отметить, что РПЦ в этом совещании не приняла участия, а она, как и в 1960 г., является самой крупной из всех православных церквей. Следовательно, диалог с Московским патриархатом для Константинопольского патриархата был весьма важен.

Визит московского патриарха начался 23 декабря 1960 г. На самолете правительства СССР из Иерусалима в 11:50 в аэропорт Ешилькёй (Стамбул) прибыла делегация Московского патриархата. В состав делегации, помимо патриарха, вошли 14 человек: видные иерархи РПЦ, преподаватели духовных академий, священнослужители, представители ОВЦС и Телеграфного агентства Советского Союза, личный врач патриарха. Вселенский Константинопольский Патриарх в письме к архиепископу Кипрскому

⁴Блохин В. С. История поместных православных церквей : учебник. М. : Изд-во Моск. патриархии, 2023. С. 201.

⁵Святая гора (г. Афон) – полуостров на северо-восточном побережье Греции; монашеская республика, представленная 20 мужскими монастырями. Один из главных духовных центров мирового православия.

⁶Блохин В. С. История поместных православных церквей... С. 527.

⁷Там же. С. 517.

давал ключевым преосвященным владыкам характеристику: «Преосвященнейший епископ Ярославский и Ростовский Никодим, глава ОВЦС, образован, хотя ему всего 31 год, динамичен, сообразителен. Он прекрасно разбирается в церковных делах, умеет оперативно налаживать контакты, быстро поднимается по иерархической лестнице РПЦ, знает греческий, арабский и немного французский языки, которые освоил за три года дипломатической службы на Ближнем Востоке, являясь представителем РПЦ в Иерусалиме»⁸. Из характеристики следует, что, по мнению Вселенского Константинопольского Патриарха, с епископом Никодимом нужно было вести все основные переговоры, он был одним из главных лиц после московского патриарха. Отметим также интересные противоречия в сведениях о составе делегации: в издании «Журнал Московской патриархии» указаны митрополит Питирим (Свиридов) и епископ Ярославский и Ростовский Никодим (Ротов) [6; 7]. В статье протоиерея С. Звонарёва указывается, что в состав делегации также вошли епископ Псковский Иоанн (Разумов) и епископ Дмитровский Пимен (Извеков) [4, с. 31]. В свою очередь, в письме Вселенского Константинопольского Патриарха к архиепископу Макариосу III отмечается присутствие митрополита Николая (Ярушевича), бывшего председателя ОВЦС, и также дается его характеристика: «...пожилой иерарх, образованнейший, здоровье которого ухудшается из-за старости и страданий»⁹. По прилете епископ Никодим ответил на вопросы журналистов. Он особенно отметил, что визит Московского патриархата в Константинополь является прежде всего паломничеством¹⁰. В ответ на вопрос о сотрудничестве и единстве церквей владыка Никодим указал, что «единство существует внутри православных церквей, но отсутствует с другими церквями», а также в негативном ключе прокомментировал возможность единства с католической церковью¹¹. Вскоре именно митрополит Никодим станет одной из ключевых фигур в сближении православной и католической церквей, а его мнение после первых контактов с представителями Ватикана кардинально изменится.

По прибытии в резиденцию в Фанаре патриарх Алексей I в сопровождении греческих священнослужителей посетил Патриарший собор в честь великомученика Георгия Победоносца. После посещения собора делегацию в патриаршем кабинете принял патриарх Афинагор I. По завершении официальных

речей состоялось неформальное общение между патриархами и членами делегации.

Во второй половине дня московский патриарх посетил мэрию Стамбула, где состоялась официальная встреча с мэром и его заместителем. Общение проходило на французском языке. Патриарх Алексей I интересовался историей города, а также богослужениями на религиозных объектах Стамбула. Затем для гостей была проведена экскурсия по зданию мэрии¹². Эта часть визита стала важной для понимания политики светских турецких властей в отношении православных верующих.

Вечером патриарха РПЦ, а также членов делегации разместили в отеле «Хилтон», где митрополит Неокесарийский Хризостом дал официальный ужин. Во главе с епископом Никодимом в нем приняли участие члены делегации. Отмечалось, что впервые митрополиту Хризостому удалось лично пообщаться с епископом Никодимом.

В первой половине дня 24 декабря 1960 г. члены делегации во главе с епископом Никодимом посетили Халкинскую богословскую школу [6; 7]. Как пояснялось в документах Константинопольского патриархата, «посещение духовной академии оставило у российской делегации весьма благоприятное впечатление, ее члены смогли установить контакты с представителями академии»¹³. Для представителей Константинопольского патриархата эта поездка была очень важна. Если в документах Московского патриархата указаны тонкости общения и речи во время посещения богословской школы, то в документах Константинопольского патриархата зафиксированы иные моменты. В ходе неформального общения с епископом Никодимом сопровождающие иерархи Константинопольского патриархата для себя определили мнение РПЦ по интересующим их вопросам межцерковных отношений, а также изложили свои взгляды на эти проблемы. Со стороны Константинопольского патриархата в разговоре приняли участие митрополит Хризостом, митрополит Селевкийский Емельян, митрополит Филадельфийский Иаков. Трем греческим архиереям нужно было узнать мнение РПЦ для ведения дальнейших переговоров по ключевым вопросам, которые были важны для выработки внешней стратегии действий патриарха Афинагора I, а также внедрить убеждение, что решение дискуссионных вопросов требует созыва Всеправославного совещания и сотрудничества с РПЦ. Как отмечалось, «нынешние и предыдущие переговоры, хотя не всегда были дружественными,

⁸Письмо Патриарха Константинопольского к архиепископу Кипрскому Макариосу III // АКА. Т. 1 (Переписка с поместными православными церквями. Константинопольский патриархат). Л. 2 (на греч.).

⁹Там же.

¹⁰Там же. Л. 2–3.

¹¹Там же. Л. 3.

¹²Там же. Л. 6.

¹³Там же.

завершались удовлетворением российской стороны в позитивной атмосфере»¹⁴.

При выяснении позиций руководства РПЦ ключевыми вопросами выступали участие Московского патриархата, а также православных церквей стран социалистического блока (польской, болгарской, албанской, чехословацкой церквей) во Всеправославном совещании¹⁵. Как заверил епископ Никодим, РПЦ «приложит все усилия для участия»¹⁶. Далее в ходе беседы глава ОБЦС озвучил взгляд РПЦ на вопрос урегулирования канонических связей Константинопольского патриархата с польской, болгарской и албанской церквями. Представители Константинопольского патриархата обозначили свое отношение к данным проблемам. Говоря об автокефалии польской церкви, они отметили, «что второй автокефалии не существует», намекая на то, что дарованная Московским патриархатом в 1948 г. церковная независимость Польши не имеет никакого значения. В вопросе болгарской автокефалии Константинопольский патриархат настаивал на том, что «отделение от матери-Церкви является каноническим нарушением единства»¹⁷. Иерархи Константинопольского патриархата негодовали из-за того, что представители албанской церкви ни разу не обратились с мирным посланием к патриарху. Удивительное событие произошло при обсуждении автокефалии чехословацкой церкви. Дарованная в 1951 г. автокефалия не была признана Константинопольским патриархатом, но при этом на Всеправославном совещании Вселенский Константинопольский Патриарх был готов видеть в качестве главы чехословацкой церкви митрополита Иоанна, ее законного предстоятеля. Также епископ Никодим затронул вопрос положения православных в Финляндии, однако комментария со стороны иерархов Константинопольского патриархата по этой теме не последовало¹⁸.

Вечером после посещения о. Халки в отеле «Хилтон» состоялась встреча патриарха Алексия I и патриарха Афинагора I в присутствии русских и константинопольских иерархов. В ходе встречи главы церквей рассказали о деятельности и служении своих церквей в непростое время, при этом они не затрагивали спорные вопросы. Возможно, обе стороны нуждались в консультации. После приема московский патриарх посетил советское консульство в Стамбуле.

В праздник Рождества Христова, 25 декабря, два патриарха совершили праздничное богослужение. На Божественной литургии в Патриаршем соборе в честь великомученика Георгия Победоносца в Фанаре присутствовали представители дипломатических миссий СССР, Греции, Ливана, Румынии и Болгарии [6; 7]. В документах Константинопольского патриархата отмечалось несколько важных моментов. Во-первых, патриарх Алексий I отказался от предложения патриарха Афинагора I занять патриарший трон (особый трон Вселенского Константинопольского Патриарха, который, по преданию, принадлежал святому Иоанну Златоусту, одному из виднейших деятелей первых веков христианства). Как описывается в документе, «патриарх Алексий почтил константинопольского патриарха, уступив ему подобающее место»¹⁹. Во-вторых, во время великого входа²⁰ московский патриарх употребил словосочетание «Патриарха и Отца нашего», при этом «константинопольский патриарх приветствовал по-русски, а московский патриарх – по-гречески»²¹. Для Константинопольского патриархата данные факты указывали прежде всего на признание Московским патриархатом их первенства в православном мире. По окончании богослужения стороны обменялись поздравительными речами и памятными подарками, после чего состоялся банкет по случаю праздника Рождества Христова.

Вечером 25 декабря в зале переговоров отеля «Хилтон» состоялась встреча патриарха Алексия I и патриарха Афинагора I. В ней приняли участие также епископ Никодим, священник Алексей Остапов, Д. А. Остапов и переводчик В. С. Алексеев. Константинопольский патриархат представляли митрополит Хризостом, епископ о. Родос Иероним, епископ Емилиан, диакон Хризостом и профессор Эммануил Фотиадис. Сначала участники встречи констатировали историческое значение первого визита московского патриарха в Константинополь, при этом отметив теплый и дружественный прием греческой стороны, а затем приступили к обсуждению важных тем²².

Первый вопрос, который обсуждали предстоятели (подчеркнем, что это не обсуждали константинопольские иерархи и епископ Никодим), касался положения русской диаспоры, не находящейся в юрисдикции РПЦ, за рубежом. Патриарх Афинагор I

¹⁴Письмо Патриарха Константинопольского к архиепископу Кипрскому Макариосу III // АКА. Т. 1 (Переписка с поместными православными церквями. Константинопольский патриархат). Л. 8–10 (на греч.).

¹⁵Там же. Л. 9.

¹⁶Там же.

¹⁷Там же.

¹⁸Там же. Л. 10.

¹⁹Там же. Л. 14.

²⁰Часть Божественной литургии (главного богослужения в христианстве), которая по-особому совершается при служении главы церкви (патриарха), когда происходит поминовение (поименное перечисление согласно статусам церквей) всех глав поместных православных церквей.

²¹Письмо Патриарха Константинопольского к архиепископу Кипрскому Макариосу III // АКА. Т. 1 (Переписка с поместными православными церквями. Константинопольский патриархат). Л. 15 (на греч.).

²²Там же.

заверил собрата в том, что он создаст комиссию из представителей обеих церквей в целях выработки стратегии для решения данного вопроса²³.

Второй вопрос затрагивал календарную реформу. Патриарх Алексий I предложил константинопольской стороне прокомментировать ситуацию, сложившуюся в странах Балтии, где православные церкви, которые юридически и политически подчиняются РПЦ и СССР, перешли на юлианский календарь. Вселенский Константинопольский Патриарх ответил, «что не располагает информацией по этому вопросу»²⁴.

Третий вопрос, который вызвал большую дискуссию, касался автокефалий польской, болгарской и албанской церквей. По этому вопросу было принято общее решение обсудить его на Всеправославном совещании глав поместных церквей. Говоря о Грузинской православной церкви, патриарх Афинагор I «выразил нежелание допустить ее выхода из структуры великой церкви»²⁵. Вероятнее всего, это нежелание было связано с попытками РПЦ навязать Фанару решение 1943 г. о признании автокефалии грузинской церкви.

Вопрос автокефалии Чехословацкой православной церкви вызвал оживленную дискуссию. Вселенский Константинопольский Патриарх попросил детально рассказать историю православия на территории Чехословакии. Он заверил присутствующих в том, что рассмотрит данную ситуацию, а также попросил представителей РПЦ прислать письмо с полной информацией о ней.

Кроме этого, стороны отметили важность скорейшего созыва Всеправославного совещания на о. Родос. Также Вселенский Константинопольский Патриарх просил епископа Никодима принять участие в подготовке совещания²⁶.

Отдельным блоком вопросов стало российское монашество на г. Афон. В 1960-х гг. представители Московского патриархата настойчиво поднимали вопрос укрепления русского присутствия на Святой горе. Константинопольский патриархат, не отрицая исторической связи, настаивал на соблюдении афонских процедур и на том, что вопрос присутствия на Святой горе входит в компетенцию Священного синода [6; 7]. Московский патриарх признал, что основную роль в принятии этого решения играет

Священный синод, Вселенский Константинопольский Патриарх и греческое правительство. Константинопольский патриарх заверил членов делегации в том, что для всех 20 монастырей он дал общее благословение приезжать по одному монаху в год для увеличения братии обителей. Также патриарх Афинагор I гарантировал, что уже в следующем году русским монахам можно будет беспрепятственно приезжать на Святую гору.

Если первые четыре вопроса поднимались исключительно русской стороной, то остальные два вопроса – Вселенским Константинопольским Патриархом. Следует заметить, что эти вопросы никогда не рассматривались в работах, посвященных данной теме. В первую очередь Вселенского Константинопольского Патриарха интересовал вопрос русской диаспоры в США, которая находилась в подчинении митрополита Леонтия (Туркевича)²⁷. Патриарх Афинагор I указывал, что данная ситуация является позором прежде всего для русской церкви и что ее нужно разрешать Московскому патриархату²⁸. Второй вопрос касался признаний хиротоний (рукоположений) в Англиканской церкви. Патриархи пришли к мнению о том, что нужно создать комиссию из профессоров духовных заведений обеих сторон для изучения мнений представителей всех православных церквей²⁹. После обсуждения состоялся неформальный прощальный ужин, а 26 декабря 1960 г. патриарх Алексий I и члены делегации покинули пределы Турецкой Республики³⁰.

В советской прессе и документах визит трактовался как успех церковной дипломатии. Согласно секретной справке Генерального консульства СССР пребывание патриарха Алексия I в Стамбуле «повысило авторитет русской церкви» и «позволило обсудить перспективы укрепления церковных связей»³¹. Руководство СССР видело в этом событии возможность продемонстрировать теплые отношения между православными церквями даже в условиях холодной войны [5]. Советское руководство ожидало, что такая встреча смягчит исторические трения (прежде всего наследие разногласий 1940-х гг.) и создаст благоприятный имидж СССР как друга православного Востока.

Представитель Константинопольского патриархата при Всемирном совете церквей в Женеве епископ Емилиан Мелойский оценил визит патриарха

²³Письмо патриарха Константинопольского к архиепископу Кипрскому Макариосу III // АКА. Т. 1 (Переписка с поместными православными церквями. Константинопольский патриархат). Л. 18 (на греч.).

²⁴Там же. Л. 24.

²⁵Там же. Л. 20–21.

²⁶Там же. Л. 22.

²⁷Глава Североамериканской митрополии, получившей в 1970 г. автокефалию от РПЦ.

²⁸Письмо патриарха Константинопольского к архиепископу Кипрскому Макариосу III // АКА. Т. 1 (Переписка с поместными православными церквями. Константинопольский патриархат). Л. 22 (на греч.).

²⁹Там же.

³⁰Там же. Л. 23.

³¹Пребывание Патриарха Московского и всея Руси Алексия в Стамбуле 23–26 декабря 1960 г. : информ. справка за подписью ген. консула СССР в Стамбуле М. Волкова № 2 от 03.01.1961 г. // Гос. арх. Рос. Федерации. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 1936. Л. 21.

Алексия I в Константинополь как событие исключительной важности и большого исторического значения³². Эта характеристика свидетельствует о том, что Константинопольский патриархат ожидал укрепления межправославного единства и лояльного отношения к своим действиям на международной арене. По данным современных исследователей, встреча в день Рождества Христова была призвана прекратить длительную вражду, вызванную взаимными анафемами времен Второй мировой войны, хотя подозрения церковных иерархов по отношению друг к другу сохранялись³³. Из выступлений патриарха Афинагора I ясно, что он видел в Алексии I не только представителя РПЦ, но и фигуру, через которую можно было попытаться расширить православное сотрудничество, учитывая созыв 2-го Ватиканского собора и новые межхристианские контакты [4].

Турецкая светская пресса того времени подавала визит в основном как протокольное событие: упоминалась его знаковость (два патриарха встретились впервые), однако без политической риторики. В некоторых газетах акцентировался лишь факт поездки без затрагивания церковной политики как таковой. Важно отметить контекст: в 1960-х гг. произошел рост турецкой настороженности к греческому православию (особенно из-за кипрского кризиса) [9]. В таких условиях Константинопольскому патриархату приходилось балансировать: официальных публикаций о деталях переговоров не было, но встреча патриархов рассматривалась как жест доброй воли, который подтверждал право Константинопольского патриархата на религиозную деятельность в Турции. В этих же изданиях озвучивались мнения о том, что при всем внешнем внимании к визиту Константинопольский патриархат, по сути, старался сохранить позицию невмешательства в светские дела, укрепляя свое положение через международный диалог [10].

Если давать оценку визиту в терминах институциональной логики, то можно утверждать, что Константинопольский патриархат добивался трех целей: 1) признания и укрепления своей роли модератора межправославного процесса; 2) действий Московского патриархата по вопросам русской диаспоры в США и монашества на г. Афон в рамках общих правил; 3) синхронизации двустороннего диалога с Московским патриархатом и линии Всеправославных совещаний³⁴. В то же время публичность визита была ограничена. Архивная пресса того времени показывает, что центральные турецкие издания (газеты

«Миллиет», «Аksam» и «Джумхуриет») действительно фиксируют плотный политический новостной фон декабря 1960 г. (работа Учредительного собрания Турецкой Республики, репортажи о военной администрации, хроника), причем заметки религиозного характера, включая заметки на православные темы, подаются кратко, без углубления в канонические нюансы. К выпускам газеты «Миллиет» за 11–14 и 25 декабря можно обратиться через оцифрованный архив, где видны характер подачи и структура первых полос, хотя доступ к полнотекстовым публикациям часто требует оформления подписки³⁵.

Анализ материалов прессы 1949–1957, 1964, 1972 гг. по теме «Patrik Athenagoras» («Патриарх Афинагор») позволяет констатировать, что в турецкой публичной сфере «видимость» патриарха носила волнообразный характер, а религиозные новости легко уступали место событиям большого политического значения³⁶. Турецкий контекст (непростой период после переворота, кипрский кризис, отношение правительства Турецкой Республики к грекоправославной общине) диктовал мягкий, «протокольный» тон освещения религиозной тематики [11]. Для Константинопольского патриархата важно было показать, что визит является жестом братского общения, а не платформой для обсуждения политической повестки. В турецких академических обзорах также подтверждаются выводы автора настоящего исследования о характере освещения религиозных новостей (сдержанная информативность без углубления в каноническую проблематику) [12].

В 1960-х гг. отношение турецких властей и СМИ к Константинопольскому патриархату во многом было обусловлено кипрским кризисом и греческим вопросом, что накладывало ограничения на «видимость» религиозных сюжетов. Отсюда следуют преобладание нейтральных заметок о визите высших духовных лиц, акцентирование протокола и этикета, минимизация «политического смысла». Турецкая пресса, будучи ограниченной общей перегруженностью международной повестки и политической конъюнктурой, зафиксировала визит в жанре вежливого протокола, оставив канонические и юрисдикционные нюансы «за кадром», что соответствовало стратегии Константинопольского патриархата, состоящей в удерживании смысловых акцентов внутри межцерковного канала³⁷.

И Московский патриархат, и Константинопольский патриархат сходились в том, что жест личной

³²Емилиан (Тимиадис), еп. Мелойский. Письмо протоиерею В. Боровому и А. С. Бувескому. 1961 г. // Арх. ОБЦС Моск. патриархата. Д. 31 (Переписка с разными лицами).

³³Athenagoras I of Constantinople [Electronic resource] // Grokipedia. URL: https://grokipedia.com/page/Athenagoras_I_of_Constantinople (date of access: 11.12.2025).

³⁴Shernezian B. Echoes of history: exploring the historic encounter of ecumenical Patriarch Athenagoras and Zareh I Catholicos // Public Orthodoxy : website. URL: <https://publicorthodoxy.org/2024/02/16/echoes-of-history/> (date of access: 12.12.2025).

³⁵Архив газеты «Миллиет» : сайт. URL: <https://gazetearsivi.milliyet.com.tr/> (дата обращения: 12.12.2025) (на тур.).

³⁶Архив газет : сайт. URL: https://www.gastearsivi.com/#google_vignette (дата обращения: 12.12.2025) (на тур.).

³⁷Там же.

встречи эффективнее любых деклараций, потому что в православии символическое действие предстоятеля – это фактически институциональный аргумент. Однако если для Московского патриархата символическое действие было призвано легитимировать его равноцентричность, то для Константинопольского патриархата оно должно было «вписываться» в логику общецерковного процесса, в рамках которой первенство служения не отменяет соборности, а дисциплинирует ее. Обе стороны декларировали братский характер диалога и необходимость снятия

напряжения, выстраивая рабочие контакты лично на уровне предстоятелей и профильных комиссий.

Иными словами, в декабре 1960 г. представители патриархатов говорили на одном языке братской риторики, но держали в руках разные «словари» институциональных норм. В турецкой прессе, не желавшей и не имевшей возможности «расслаивать» канонику и политику, фиксировался факт встречи двух патриархов в Стамбуле как жест высшей вежливости, а смысловые акценты оставались за самими участниками диалога.

Заключение

Визит патриарха Алексия I в Константинополь в декабре 1960 г. стал двусторонним актом церковного взаимодействия, значение которого стороны оценили по-разному. Советская сторона трактовала встречу как исторический успех в укреплении православного сотрудничества и дипломатии СССР. Константинопольский патриархат воспринимал визит как шаг к примирению и консолидации православного мира. В турецкой прессе, на которую оказывала влияние политическая конъюнктура (начало «критической» по отношению к греческой общине эпохи), событие воспринималось скорее нейтрально, подчеркивалась лишь историческая значимость встречи двух высших духовных лиц. Несмотря на общую

воинственность того времени, контакт патриархов Алексия I и Афинагора I имел символическое значение братского общения, хотя и оставил нерешенными многие противоречия между церквями, что отмечалось в дальнейшем богословском и дипломатическом диалоге.

В целом рождественский визит 1960 г. можно рассматривать как знаковый символический жест, впервые сокративший дистанцию между престолом. Для патриарха Афинагора I встреча была не столько триумфом примирения, сколько проверкой руководства РПЦ на готовность работать в логике всеправославной координации при сохранении особой роли Константинопольского патриархата.

Библиографические ссылки

1. Роккуччи А. Встреча двух патриархов. Визит патриарха Алексия I в Константинополь (1960 г.) [Интернет]. *История*. 2023 [протитировано 11 октября 2025 г.];14(12, часть 1). Доступно по: <https://history.jes.su/s207987840029437-9-1/>. DOI: 10.18254/S207987840029437-9.
2. Шкаровский МВ. *Константинопольский патриархат и Русская православная церковь в первой половине XX века*. Москва: Индик; 2014. 377 с.
3. Звонарёв С. Отношения Московского и Константинопольского патриархатов в 1960-е – начале 1970-х годов по материалам архива Отдела внешних церковных связей. *Церковь и время*. 2023;3–4:185–206. EDN: TQUXWG.
4. Звонарёв СЛ. Ближневосточный визит 1960 года Патриарха Московского и всея Руси Алексия I как успех московской церковной дипломатии. *Теологический вестник Смоленской православной духовной семинарии*. 2025;2:30–41. EDN: QMYJKZ.
5. Чумаченко ТА. Отношения Московской патриархии и восточных патриархатов в контексте эволюции ближневосточной политики советского руководства (1953–1964). *Вестник Челябинского государственного университета*. 2015;2(62):117–122. EDN: TKZUJV.
6. Возвращение в Москву Патриарха Московского и всея Руси Алексия. *Журнал Московской патриархии*. 1961;1:6.
7. Паломничество Патриарха Московского и всея Руси Алексия к святыням Востока. *Журнал Московской патриархии*. 1961;3:10.
8. Topbaş T. *Ekümeniklik ve Fener Rum Patrikhanesi* [dissertation]. İzmir: Dokuz Eylül Üniversitesi; 2007. 212 s.
9. Öksüz H. *Amerikan belgelerine göre Fener Rum Patrikhanesi'nde I. Athenagoras dönemi (1949–1972)*. Ankara: Türk Tarih Kurumu; 2021. 196 s.
10. Мазарчук ДВ. Внешняя политика Англии в 1485–1558 гг. и политическая география английского дипломатического представительства. *Журнал Белорусского государственного университета. История*. 2023;2:36–47. EDN: CUEIZZ.
11. Balyemez M. *İngiliz yönetimi döneminde Kıbrıs Türklerinin siyasi örgütlenmeleri (1923–1960)*. Ankara: Türk Tarih Kurumu; 2021. XII, 532 s.
12. Şimşek H. 6–7 Eylül Olayları [Internet]. *Cumhuriyet Tarihi Araştırmaları Dergisi*. 2006 [cited 2025 December 9];2(3):173–196. Available from: https://ctad.hacettepe.edu.tr/2_3/2006_3_SIMSEK.pdf.

Получена 23.01.2026 / исправлена 27.02.2026 / принята 07.04.2026.
Received 23.01.2026 / revised 27.02.2026 / accepted 07.04.2026.